

Сайт журнала: https://bulletensocial.com/O_zhurnale

Исторические науки

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРАВОПОРЯДКА СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД В 1939-1941 ГОДЫ

Качмазов Таймураз Маратович¹

¹Аспирант, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова,
ул. Ватутина 46, Владикавказ, Россия, E-mail: kachmazov_taymuraz@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется трансформация деятельности правоохранительных органов Северо-Осетинской АССР в предвоенный период в 1939-1941 годы. Завершение массовых репрессивных кампаний и переход к мобилизационной подготовке потребовали кадрового обновления и переориентации задач НКВД, прокуратуры, суда и милиции. Анализируются назначения руководящего состава республиканского НКВД (А.С. Зоделава, Б.И. Текаев), судебной системы (Д.В. Зангиев) и прокуратуры (Н.В. Матвеев). Установлено, что в отличие от соседних автономий в Северной Осетии основные кадровые перестановки завершились к середине 1940 г., что позволило раньше перейти к планомерной мобилизационной подготовке. Отмечается преемственность судебно-прокурорских кадров и переориентация милиции на борьбу с бандитизмом и охрану общественного порядка. Сделан вывод, что региональная специфика (горный рельеф, многонациональный состав, стратегические коммуникации) обусловила усиление антибандитской работы, но при этом республика сохранила основные черты общесоюзной правоохранительной модели.

Ключевые слова: период, органы, НКВД, политика, подготовка, бандитизм.

I. ВВЕДЕНИЕ

Период 1939 – начала 1941 г. стал временем завершения массовых репрессивных кампаний, известных как «большой террор», и начала структурной перестройки, вызванной нараставшей военной угрозой со стороны нацистской Германии. После смещения Н.И. Ежова в конце 1938 г. и назначения Л.П. Берию наркомом внутренних дел начался пересмотр кадровой политики: репрессивный аппарат сам подвергся чистке от «перегибщиков», а акценты сместились с массового выявления «врагов народа» на борьбу с конкретными проявлениями преступности, дезертирством, охрану границ и подготовку к обороне, хотя отдельные категории политически неблагонадежных элементов по-прежнему оставались в поле зрения органов. Для республик Северного Кавказа, где стратегические коммуникации и горный рельеф создавали особые вызовы, этот переход имел свои специфические проявления.

Переход от «большого террора» к мобилизационной подготовке требовал от органов НКВД, прокуратуры, суда и милиции не только кадрового обновления, но и пересмотра приоритетов в повседневной работе. В центре внимания оказались вопросы укрепления дисциплины, усиления паспортного режима, борьбы с бандитизмом и дезертирством, а также организация местной противовоздушной обороны. Эти задачи требовали иных компетенций от руководящего состава, нежели те, что были востребованы в годы «большого террора».

Цель статьи – выявить степень влияния региональной специфики Северо-Осетинской АССР на процессы трансформации правоохранительной системы и определить механизмы этой трансформации в условиях перехода от репрессивной политики к мобилизационной подготовке.

II. ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Историография проблемы представлена несколькими группами работ, которые, однако, не дают комплексного анализа интересующего нас периода и региона. Прежде всего, можно выделить труды, посвященные массовым репрессиям 1937–1938 гг. на Северном Кавказе. В них подробно рассматриваются механизмы «чисток», состав осужденных и роль партийных органов в этих процессах [29]. Однако авторы этих работ, как правило, не переходят к анализу последующего периода, ограничиваясь хронологическими рамками 1937–1938 гг.

Значительный пласт исследований сосредоточен на событиях Великой Отечественной войны. Так, в работах З.А. Загальной, А.А. Магометова и А.У. Огоева рассматриваются вопросы патриотического воспитания, героизма защитников Кавказа и роли образования в годы войны [14; 19; 22]. Эти исследования важны для понимания общего контекста, однако они лишь в редких случаях затрагивают предвоенную трансформацию правоохранительных органов.

Другая группа работ касается идеологических аспектов деятельности. С.Р. Чеджемов и Г.В. Логвинович исследуют диалог церкви и государства в годы войны, а С.Р. Чеджемов также пишет о злодеяниях захватчиков [35; 34]. Эти сюжеты, несомненно, важны, но они лежат в несколько иной плоскости и не дают полноценного представления о работе НКВД, прокуратуры или милиции. А.К. Дудайти и З.Т. Плиева, в свою очередь, анализируют отечественную и зарубежную историографию битвы за Кавказ, что также по большей части относится к военному периоду [13].

В публикациях А.С. Спорыша рассматривается вклад правоохранительных органов в оборону Северной Осетии, однако хронологически они относятся уже к периоду боевых действий, лишь частично затрагивая незначительные сюжеты довоенного времени [28]. Отдельные аспекты функционирования милиции Северной Осетии в целом отражены в работе З.Р. Болиева, которая носит обзорный характер и не ставит целью анализ предвоенного переходного этапа [7]. В ней содержатся ценные сведения о структуре и задачах милиции, но временные рамки исследования охватывают более широкий период без специального акцента на 1939–1941 гг. Таким образом, при наличии обширной литературы по смежным сюжетам – репрессиям 1937–1938 гг., обороне Кавказа, идеологическим вопросам – специальное исследование, посвященное деятельности органов НКВД, прокуратуры, суда и милиции Северо-Осетинской АССР именно в переходный период 1939–1941 гг., отсутствует. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел.

Северо-Осетинская АССР в рассматриваемый период представляла собой довольно типичную советскую национальную автономию, в которой правоохранительные органы функционировали как составная часть общесоюзной системы, подчиняясь централизованным директивам из Москвы. Вместе с тем региональная специфика – этнический состав населения, геополитическое положение на Северном Кавказе, наличие стратегических транспортных магистралей (Военно-Грузинская и Военно-Осетинская дороги) и промышленных объектов – накладывала определенные особенности на организацию работы органов правопорядка [17, с. 466].

Структура органов НКВД Северо-Осетинской АССР включала республиканский аппарат (Народный комиссариат внутренних дел СОАССР), Управление рабоче-крестьянской милиции (УРКМ), а также сеть городских и районных отделений [21, с. 192]. Кадровая политика 1939–1941 гг. определялась взаимодействием двух тенденций: завершением масштабных «чисток» предшествующего периода и целенаправленным формированием нового руководящего состава, ориентированного на решение мобилизационных задач [28].

Кадровые изменения 1939 г. вписывались в общесоюзную кампанию, инициированную после смещения Н.И. Ежова и прихода Л.П. Берии. В этот период начался пересмотр кадровой политики: репрессивный аппарат подвергался «чистке» от сотрудников, обвинявшихся в перегибах и фальсификациях. В Северо-Осетинской АССР этот процесс нашел выражение в ряде кадровых решений. 28 февраля 1939 г. оперуполномоченный УНКВД по Юго-Осетинской автономной области Б.И. Текаев был откомандирован в распоряжение НКВД Северо-Осетинской АССР и в дальнейшем занял должность наркома внутренних дел республики (в 1943–1948 гг. он оставался наркомом, затем министром внутренних дел СОАССР, а с 1948 г. возглавлял Управление МВД по Юго-Осетинской автономной области). Согласно приказу НКВД СССР от 16 апреля 1939 г. № 829 с должности начальника УРКМ НКВД Северо-Осетинской АССР был уволен капитан милиции Б.И. Бериев [12, л. 12]. Ещё 2 апреля 1939 г. был издан приказ № 679, которым в НКВД СОАССР направлялся М.Р. Гриняев.

К 1940 г. наркомом внутренних дел Северо-Осетинской АССР являлся старший майор государственной безопасности А.С. Зоделава (1905 г.р., грузин, уроженец с. Алуты Зугдидского района Грузинской ССР, в органах ВЧК–ОГПУ–НКВД с 1924 г., член ВКП(б) с 1926 г.) [23, с. 65]. До назначения он занимал должность заместителя наркома внутренних дел Грузинской ССР и имел опыт борьбы с вооруженными формированиями в горной местности. Согласно ведомственным материалам, Зоделава зарекомендовал себя положительно в ходе операций против бандгрупп на территории Грузии [20]. Его назначение, как и утверждение Текаева, было связано с необходимостью усилить руководство республиканского НКВД кадрами, имевшими опыт работы в условиях горно-лесистой местности и борьбы с бандитизмом.

Территориальная структура НКВД СОАССР включала районные отделения, руководство которых также претерпело изменения. В Ирафском районе в 1938 г. начальником районного отделения НКВД был М.К. Базров, освобожденный от должности 27 мая 1938 г. С 31 июля 1939 г. на эту должность назначен Л.Б. Саракаев. В Дигорском районе в 1937 г. руководство отделением осуществляли Ф.Г. Куликов и Б.Г. Цогоев. К 1940 г. кадровая ситуация стабилизировалась. Приказом НКВД СССР от 16 марта 1940 г. № 349 начальником Дигорского районного отделения НКВД утвержден И.П. Таутиев [8, л. 38]. Назначения на руководящие должности в местных органах НКВД входили в номенклатуру Народного комиссара внутренних дел СССР, что обеспечивало контроль центра над кадровыми процессами.

Все ключевые кадровые решения в органах правопорядка Северной Осетии проходили согласование с бюро Северо-Осетинского обкома ВКП(б). Сохранившиеся протоколы заседаний бюро за 1939–1940 гг. показывают, что назначения на должности наркома, прокурора и председателя Верховного суда не делались без предварительного партийного одобрения. Этот порядок соответствовал общесоюзной практике, при которой формально независимые судебно-прокурорские органы фактически контролировались региональной партийной номенклатурой.

В 1939–1940 гг. аппарат управления НКВД был дополнен новыми структурами. Важным шагом стало создание Мобилизационного отдела согласно приказу от 20 апреля 1939 г. № 00433, задачей которого являлось обеспечение боевой и мобилизационной готовности системы НКВД [18, с. 631–632]. При республиканском НКВД создавались отделы местной противовоздушной обороны (МПВО), расширялся круг обязанностей органов милиции по организации оборонных мероприятий. К началу 1941 г. обновленный руководящий состав был ориентирован не только на охрану порядка, но и на выполнение оборонных задач. Для выявления специфики кадровой политики в Северной Осетии целесообразно сопоставить ее с ситуацией в соседних автономиях. В Дагестанской АССР в течение 1939 г. происходили многочисленные кадровые перемещения. Приказом НКВД СССР от 14 марта 1939 г. № 527 уволен начальник ОАГС НКВД Дагестанской АССР Б.А. Каменский.

21 августа 1939 г. приказом № 1623 назначен новый начальник 7 отделения УГБ НКВД Дагестанской АССР [9, л. 82]. В сентябре 1939 г. продолжались назначения в экономическом отделе республиканского НКВД. 11 октября 1939 г. приказом НКВД СССР № 1897 назначен начальник следственной части НКВД Дагестанской АССР [9, л. 83]. Эти данные свидетельствуют о том, что в Дагестане кадровая нестабильность сохранялась на протяжении всего 1939 г.

В Кабардино-Балкарской АССР также происходили кадровые чистки. Приказом НКВД СССР от 4 мая 1939 г. № 00487 было установлено, что бывшее руководство республиканского НКВД допускало массовые незаконные аресты, фальсификацию следственных и судебных дел, применение незаконных методов следствия [36, с. 568–569]. Приказ предписывал арестовать и предать суду оперуполномоченного 3-го отделения УГБ НКВД, уволить бывшего начальника Прохладненского райотделения НКВД, врио начальника Прохладненского райотделения и начальника 3-го отделения УГБ НКВД [16]. В Кабардино-Балкарии чистка носила характер показательной кампании.

В Чечено-Ингушской АССР кадровые перестановки также продолжались в течение 1939 г. 14 января 1939 г. приказом НКВД СССР № 99 наркомом внутренних дел назначен П.Н. Рязанов [11, л. 3–4]. 3 мая 1939 г. приказом № 1047 назначен начальник Шалинского районного отделения НКВД. 25 июня 1939 г. приказом № 1417 назначены начальники Сунженского и Шатоевского районных отделений. 1 июля 1939 г. приказом № 1438 продолжались назначения на районном уровне [10, л. 57].

Сопоставление хронологии показывает, что в Северной Осетии основные перестановки пришлись на первую половину 1939 г., тогда как в Дагестане назначения фиксировались вплоть до октября, в Кабардино-Балкарии показательная кампания развернулась в мае, а в Чечено-Ингушетии активная смена руководства на районном уровне продолжалась до июля. В Северной Осетии процесс завершился уже к середине 1940 г., что дало республике определенный временной задел для мобилизационной подготовки по сравнению с соседними регионами.

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 г. органы прокуратуры получили указания о пересмотре дел и усилении надзора за следствием [18, с. 631–632]. В этом контексте особое значение приобретала кадровая стабильность, позволявшая эффективно выполнять указания центра. Параллельно с перестройкой аппарата НКВД происходило обновление судебно-прокурорской системы, однако с иной динамикой. В системе прокуратуры и суда кадровые перестановки носили менее масштабный характер и не сопровождались массовыми арестами. Наблюдалась относительная преемственность кадровой политики, выражавшаяся в выдвижении на ключевые должности юристов, получивших высшее образование в 1930-е гг.

В соответствии с Конституцией СССР 1936 г. [25, с. 27–28] и Конституцией РСФСР 1937 г. [27, с. 28–29], Верховный суд Северо-Осетинской АССР являлся высшим судебным органом республики. Он избирался Верховным Советом СО АССР сроком на пять лет и состоял из двух судебных коллегий – по уголовным и гражданским делам – и Президиума. К 1939 г. судебная система республики имела сложившуюся структуру, включавшую республиканский и районный уровни [30, с. 21]. Центральной фигурой в системе правосудия в предвоенный период являлся Д.В. Зангиев. Родился в октябре 1911 г. в селе Ардон, в 1933–1937 гг. обучался в Московском юридическом институте, после чего работал судьей в Ростове-на-Дону. В 1938 г. вернулся в республику и был назначен заместителем председателя Верховного суда, а с апреля 1939 г. по июль 1941 г. занимал пост председателя [33, л. 47]. Его назначение отражало приход в судебную систему нового поколения юристов с высшим образованием. Формирование судебной системы на районном уровне также происходило под контролем партийных органов. 11 октября 1938 г. бюро Обкома ВКП(б) утвердило выделение Алагирского района, а 9 февраля 1939 г. на должность народного судьи 1-го участка нового района утвержден заведующий промторделом газеты «Раздзог» М.Х. Цомаев [31, с. 107–108]. Такой порядок назначений являлся нормой для советской судебной системы того периода [15, с. 271]. Прокуратура Северо-Осетинской АССР в 1939–1941 гг. не подверглась масштабным чисткам. 28 ноября 1939 г. на должность прокурора республики утвержден Н.В. Матвеев (1904 г.р., уроженец с. Ново-Никольское Астраханской губернии, участник Гражданской войны, окончил Саратовский юридический институт в 1939 г., ранее работал следователем и прокурором в Сталинградском крае) [24].

Назначение Матвеева, аналогично утверждению Зангиева, свидетельствовало о преемственности кадровой политики в судебно-прокурорской системе. В сравнении с НКВД, где перестановки носили массовый характер, в прокуратуре и суде доминировал принцип постепенного выдвижения юристов с высшим образованием.

К 1941 г. прокуратура республики располагала сложившейся структурой. В республиканском аппарате с декабря 1940 г. должность прокурора спецотдела занимал Н.И. Чашихин, с июля 1941 г. – заместитель прокурора по спецделам. Кадровое пополнение обеспечивалось через систему юридического образования. В 1940 г. при Орджоникидзевской юридической школе действовали курсы подготовки прокурорских работников. Примером такого пополнения стал В.Н. Петухов, окончивший Свердловский юридический институт в 1939 г. и направленный в прокуратуру Северной Осетии.

В судебно-прокурорской системе репрессивные кампании носили единичный характер. Известен лишь один случай осуждения прокурора республики в 1939–1941 гг., причем обвинения касались должностных нарушений, а не политической нелояльности. Ключевые фигуры, такие как Д.В. Зангиев и Н.В. Матвеев, сохранили свои посты, что не нарушало общей тенденции к преемственности кадров. Переходный характер периода проявился в кадровом решении, принятом в первые дни войны: 10 июля 1941 г. бюро Северо-Осетинского обкома ВКП(б) утвердило Д.В. Зангиева в должности прокурора республики, а 28 июля он был назначен приказом прокурора СССР. Этот факт подтверждает преемственность судебно-прокурорских кадров, сформированную в предвоенный период.

Органы милиции Северо-Осетинской АССР к 1939 г. являлись составной частью системы НКВД и выполняли функции охраны общественного порядка, борьбы с преступностью, надзора за паспортным режимом и учета военнообязанных. Приказами НКВД СССР от 13 и 29 мая 1940 г. утверждены штаты, что свидетельствовало о централизованном регулировании структуры милиции [7, с. 68]. Управление милиции возглавлял начальник, назначаемый приказом НКВД СССР; в 1939 г. эту должность занимал Б.И. Бериев, уволенный в апреле того же года. 26 октября 1939 г. начальником УРКМ назначен Ф.С. Иршков (1903 г.р., русский, уроженец Буйнакса, в органах с 1920 г., член ВКП(б) с 1939 г.) [23, с. 65].

Повседневная деятельность милиции в предвоенный период характеризовалась усилением внимания к охране общественного порядка и борьбе с имущественными преступлениями. В 1940 г. личный состав групп охраны общественного порядка насчитывал 1 650 человек; за год задержано 498 воров, 59 хулиганов, 197 дезертиров из Красной армии и 593 дезертира-трудолюбивца [5, л. 23]. Если в 1939 г. основной объем работы составляли уголовные преступления, то в 1940 г. возросла доля дел, связанных с нарушением паспортного режима и учета военнообязанных – с 12% до 31% административных протоколов. Это может свидетельствовать об усилении внимания милиции к мобилизационным аспектам работы, хотя количественные данные не позволяют с полной уверенностью определить, было ли это следствием усиления контроля или изменения структуры правонарушений. Ужесточился контроль за передвижением населения в приграничных горных районах.

В рамках созданных структур МПВО на милицию возлагались задачи по организации светомаскировки, оповещения населения о воздушной тревоге, контролю за соблюдением правил участия в учениях по ликвидации последствий налетов. Эти функции дополняли традиционные обязанности милиции и требовали от личного состава дополнительной подготовки.

Специфика Северо-Осетинской АССР – труднодоступные горные ущелья и многонациональный состав – создавала условия для сохранения вооруженных бандформирований. Анализ архивных дел позволяет выделить три основные категории банд, действовавших в 1939–1940 гг.: уголовно-дезертирские группы; остатки политически неблагонадежных элементов (бывшие кулаки, участники антисоветских выступлений); смешанные формирования. Наибольшая концентрация таких групп фиксировалась в Ирафском и Дигорском районах, что объяснялось географической удаленностью, наличием труднопроходимых ущелий и традиционными клановыми связями. В 1939–1940 гг. ликвидировано три вооруженных бандгруппы в горных районах [4, л. 32].

В предвоенный период в органах НКВД республики действовал аппарат по борьбе с бандитизмом. Сотрудники, имевшие опыт такой работы, впоследствии возглавляли соответствующие отделы. Например, М.И. Таутиев, занимавший с 1939 по 1945 г. должность заместителя начальника уголовного розыска [4, л. 32]. Кадровое пополнение милиции осуществлялось через систему специального образования. В 1941 г. В.Д. Цидаев после окончания Рязанской школы милиции назначен начальником Дарг-Кохского отделения. С нарастанием военной угрозы милиция переориентировалась на оборонные задачи. В 1940 г. утверждены новые штаты с усилением мобилизационной готовности. С приближением фронта личный состав милиции перешел на казарменное положение. 8 июля 1941 г. на территории республики сформировано 15 истребительных батальонов численностью 2 650 человек и 1 кавалерийский эскадрон [32, л. 8]. Основной задачей истребительных подразделений являлось выявление вражеской агентуры и парашютных десантов, участие в операциях по выявлению паникеров и нарушителей трудовой дисциплины. Начальниками батальонов назначались сотрудники НКВД, имевшие соответствующий опыт. 25 октября 1941 г. создан Орджоникидзеvский Комитет Оборона [26, с. 85–86]. Кадровое обновление в органах НКВД 1939–1940 гг. проходило на фоне репрессий, затронувших самих сотрудников. В 1939–1940 гг. арестовано не менее 5 сотрудников республиканского и районного звена НКВД, что составило около 15% от общего числа руководящих кадров (по подсчетам автора, около 30–35 человек) [29, с. 98–100]. Уволенный в апреле 1939 г. начальник УРКМ Б.И. Бериев 4 июля 1942 г. осужден Особым совещанием при НКВД СССР и приговорен к 10 годам. Бывший начальник Ирафского РО НКВД М.К. Базров, арестованный 25 сентября 1939 г., Военным трибуналом войск НКВД 25 апреля 1940 г. приговорен к расстрелу, однако Военная коллегия Верховного суда СССР 6 сентября 1940 г. заменила приговор на 10 лет лишения свободы. В 1939 г. арестованы и другие сотрудники.

Все перечисленные сотрудники обвинялись не по политическим статьям, а по должностным – «злоупотребление служебными полномочиями», «фальсификация следственных материалов», «халатность». Это отличает «чистки» 1939–1940 гг. от репрессий 1937–1938 гг. В прокуратуре и суде, как уже отмечалось, ситуация была иной – репрессии носили единичный характер. К 1941 г. кадровая ситуация стабилизировалась. Наркомом внутренних дел стал А.С. Зоделава, председателем Верховного суда, а затем прокурором – Д.В. Зангиев [30, с. 29]. Сотрудники, пережившие чистки, составили костяк аппарата. Все три ветви правоохранительной системы к середине 1940 г. имели обновленное руководство. Что касается национального состава личного состава органов правопорядка, то, по данным Справки Отдела кадров НКВД СССР на 1 января 1938 г., в НКВД Северо-Осетинской АССР осетины составляли 24 человека, или 40% от общего числа сотрудников. В предвоенный период эта пропорция в целом сохранялась, хотя на руководящие должности выдвигались представители разных национальностей – русские (в их числе Ф.С. Иршков), грузины (А.С. Зоделава), осетины (Б.И. Текаев). Партийная прослойка в органах правопорядка была значительной: практически все ключевые руководители являлись членами ВКП(б). Так, А.С. Зоделава состоял в партии с 1926 г. [23, с. 65], Ф.С. Иршков – с 1939 г. [23, с. 65], Б.И. Текаев также был членом ВКП(б) [18].

III. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что ключевой особенностью деятельности органов правопорядка Северной Осетии в 1939–1941 гг. стала опережающая стабилизация кадрового состава по сравнению с соседними автономиями. В Северной Осетии основные перестановки в НКВД пришлось на первую половину 1939 г., тогда как в Дагестане, Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии они растянулись до конца 1939 – начала 1940 г. Несмотря на отдельные репрессивные меры в отношении сотрудников НКВД, к середине 1940 г. кадровая ситуация стабилизировалась, а освобожденные должности были замещены профессионалами, ориентированными на решение мобилизационных задач. Это позволило республике раньше перейти к планомерной мобилизационной подготовке. Трансформация правоохранительной системы не ограничилась заменой кадров. Произошла переориентация от массовых репрессивных кампаний к решению задач оперативного обеспечения тыла и мобилизационной готовности.

Это выразилось в создании аппарата по борьбе с бандитизмом, отделов МПВО и перестройке работы милиции.

Механизм трансформации включал три взаимосвязанных элемента. Во-первых, централизованные кадровые чистки по общесоюзным директивам, в ходе которых устранялись сотрудники, скомпрометированные в годы «большого террора». Во-вторых, согласование ключевых назначений с региональным партийным руководством, что обеспечивало политический контроль над кадровыми процессами. В-третьих, переход к критерию «оперативной компетентности» при отборе руководителей – предпочтение отдавалось лицам, имевшим опыт борьбы с вооруженными формированиями в горной местности и способным организовать работу в условиях военной угрозы. Эти три элемента в совокупности определили специфику трансформации правоохранительной системы Северной Осетии в предвоенный период.

В судебно-прокурорской системе сохранялась относительная преемственность кадров, что обеспечило правовую устойчивость. Органы милиции переориентировались на борьбу с бандитизмом с учетом горно-лесистой местности и стратегических коммуникаций. Опыт, накопленный в предвоенный период, был использован при создании истребительных батальонов в первые дни войны.

Региональная специфика – горный рельеф, близость к стратегическим магистралям – обусловила усиление антибандитской составляющей и повышенное внимание к охране объектов. При этом Северо-Осетинская АССР сохранила основные черты общесоюзной правоохранительной модели – централизованное управление, партийный контроль, единые нормативные акты и структуру. К началу Великой Отечественной войны правоохранительная система республики представляла собой обновленный и структурно оформленный механизм, готовый к выполнению задач военного времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архив МВД по РСО-Алания. Ф. 509. Оп. 233. Д. 34.

Архив МВД по РСО-Алания. Ф. 545. Оп. 402. Д. 54.

Архив МВД по РСО-Алания. Ф. 614. Оп. 243. Д. 76.

Архив МВД по РСО-Алания. Ф. 644. Оп. 234. Д. 24.

Архив МВД по РСО-Алания. Ф. 796. Оп. 442. Д. 38.

Архив МВД по РСО-Алания. Ф. 796. Оп. 442. Д. 39.

Болиев З.Р. Милиция Северной Осетии. История и современность. Владикавказ, 2007. 208 с.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р7523. Оп. 4. Д. 162.

ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 9а. Д. 36.

ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 9а. Д. 42.

ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 2.

ГАРФ. Ф. Р9474. Д. 1а. Д. 4174.

Дудайти А.К., Плиева З.Т. Отражение битвы за Кавказ (1942 – 1943 гг.) в отечественной и зарубежной (германской) историографии. Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2020. Номер 1. С. 45-52.

Загалова З.А. Духовно-нравственный подвиг педагогов Осетии в годы Великой Отечественной войны. Аланское православие: история и культура. сборник материалов XIV международных Свято-Георгиевских чтений. Владикавказ, 2026. С. 302-306.

Ильина Т.Н. Номенклатурный принцип формирования судейского корпуса в РСФСР: понятие, содержание, итоги. Образование и право. 2021. Номер 9. С. 266-274.

Исторические материалы. [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/64218> (дата обращения: 21.04.2026)

Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937-1938. М.: МФД, 2004. 736 с.

Магометов А.А. К 80-летию разгрома немецко-фашистских войск под Владикавказом. Битва за Кавказ. Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, приуроченной к 80-летию начала боевых действий на Северном Кавказе в Великой Отечественной войне. Под редакцией А.У. Огоева. Владикавказ, 2022. С. 17-26.

Министерство внутренних дел по Республике Северная Осетия-Алания. Серия рассказов. "Победа в лицах": Андрей Семенович Заделава, народный комиссар внутренних дел Северной Осетии. [Электронный ресурс]. URL: <https://15.мвд.рф/news/item/22824865/> (дата обращения: 22.04.2026).

Мулукаев Р.С., Малыгин А.Я., Епифанов А.Е. История отечественных органов внутренних дел. Под ред. д.ю.н. Р.С. Мулукаева. М.: NOTA BENE Медиа Трейд Компания, 2005. 336 с.

Огоев А.У. Героизм защитников родины как основа воспитательной работы в вузе: вопросы формирования патриотизма в контексте компетентностного подхода (на материалах СОГУ им. К. Л. Хетагурова). Великая Отечественная война и российское общество. Сборник научных трудов. Владикавказ, 2025. С. 139-143.

Петров Н., Скоркин К. Кто руководил НКВД, 1934-1941: Справочник. М.: Звенья, 1999. 506 с.

Прокуратура Республики Северная Осетия-Алания. Прокуроры Республики Северная Осетия-Алания - участники Великой Отечественной войны: Зангиев Дагда Васильевич. [Электронный ресурс]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_15/activity/veterans/e5628216/ (дата обращения: 22.04.2026).

Северо-Осетинская партийная организация в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): Сб. док. и материалов. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1968. 630 с.

Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР за 1937 год. Номер 1-14. М.: Юридич. изд-во НКЮ СССР, 1937. 128 с.

Спорыш А.С. Вклад правоохранительных органов при обороне Северной Осетии в Великой Отечественной войне. Современные проблемы науки и образования. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://science-education.ru/article/view?id=18163> (дата обращения: 24.04.2026)

Царикаев А. Т., Багаева А. В. Отражение массовых политических репрессий 1937-1938 гг. в Северной Осетии в новейших документальных публикациях. Приволжский научный вестник. 2014. Номер 2 (30). С. 98-100.

Царикаев А.Т., Тускаева Г.Б. Политическая элита Северной Осетии. 1924-1941 гг.: биограф. справ. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. 135 с.

Царикаев. А.Т. Документы и материалы. Известия СОИГСИ. 2014. Номер 11 (50). С. 105-110.

Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). ФР. 220. Оп. 1. Д. 31.

ЦГА РСО-А. Ф. 22. Оп. 1. Д. 325.

Чеджемов С.Р. Злодеяния немецко-фашистских захватчиков: к 80-летию победы СССР в Великой Отечественной войне. История государства и права. 2025. Номер 5. С. 16-21.

Чеджемов С.Р., Логвинович Г.В. Государственно-церковный диалог как фактор победы в Великой Отечественной войне. Аланское православие: история и культура. Сб. материалов XIV международных Свято-Георгиевских чтений. Владикавказ, 2026. С. 307-317.

SPECIFICS OF THE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES IN NORTH OSSETIA DURING THE PRE-WAR PERIOD 1939-1941

Kachmazov, Taimuraz Maratovich¹

¹Postgraduate, North Ossetian State University named after K.L. Khetagurova, 46, Vatutina Street,
Vladikavkaz, Russia, E-mail: kachmazov_taymuraz@mail.ru

Abstract

This article examines the transformation of law enforcement activities in the North Ossetian ASSR during the pre-war period (1939-1941). The conclusion of mass repressive campaigns and the shift toward mobilization readiness necessitated a renewal of personnel and a reorientation of the tasks performed by the NKVD, the prosecutor's office, the judiciary, and the militsiya. The study analyzes the appointments of key officials within the republic's NKVD (A.S. Zodelava, B.I. Tekaeu), the judicial system (D.V. Zangiev), and the prosecutor's office (N.V. Matveev). It is established that, unlike in neighboring autonomous regions, the major personnel reshuffles in North Ossetia were completed by mid - 1940, enabling an earlier transition to systematic mobilization preparations. The article notes the continuity of judicial and prosecutorial personnel and the reorientation of the militsiya toward combating banditry and maintaining public order. It concludes that while regional specificities - such as mountainous terrain, a multiethnic population, and strategic transport routes - necessitated intensified efforts against banditry, the republic nonetheless retained the fundamental characteristics of the all-Union law enforcement model.

Keywords: period, agencies, NKVD, policy, preparation, banditry.

REFERENCE LIST

- Arhiv MVD po RSO-Alaniya. F. 509. Op. 233. D. 34.
Arhiv MVD po RSO-Alaniya. F. 545. Op. 402. D. 54.
Arhiv MVD po RSO-Alaniya. F. 614. Op. 243. D. 76.
Arhiv MVD po RSO-Alaniya. F. 644. Op. 234. D. 24.
Arhiv MVD po RSO-Alaniya. F. 796. Op. 442. D. 38.
Arhiv MVD po RSO-Alaniya. F. 796. Op. 442. D. 39.
Boliev Z.R. Miliciya Severnoj Osetii. Istoriya i sovremennost'. Vladikavkaz, 2007. 208 s.
Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). F. R7523. Op. 4. D. 162.
GARF. F. R-9401. Op. 9a. D. 36.
GARF. F. R-9401. Op. 9a. D. 42.
GARF. F. R-9478. Op. 1. D. 2.
GARF. F. R9474. D. 1a. D. 4174.

Dudajti A.K., Plieva Z.T. Otrazhenie bitvy za Kavkaz (1942 – 1943 gg.) v otechestvennoj i zarubezhnoj (germanskoj) istoriografii. Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K. L. Hetagurova. 2020. Nomer 1. S. 45-52.

Zagalova Z.A. Duhovno-nravstvennyj podvig pedagogov Osetii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Alanskoe pravoslavie: istoriya i kul'tura. sbornik materialov XIV mezhdunarodnyh Svyato-Georgievskih chtenij. Vladikavkaz, 2026. S. 302-306.

Il'ina T.N. Nomenklaturnyj princip formirovaniya sudejskogo korpusa v RSFSR: ponyatie, sodержanie, itogi. Obrazovanie i pravo. 2021. Nomer 9. S. 266-274.

Lubyanka. Stalin i Glavnoe upravlenie gosbezopasnosti NKVD. 1937-1938. M.: MFD, 2004. 736 s.

Magometov A.A. K 80-letiyu razgroma nemecko-fashistskikh vojsk pod Vladikavkazom. Bitva za Kavkaz. Sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, priurochennoj k 80-letiyu nachala boevykh dejstvij na Severnom Kavkaze v Velikoj Otechestvennoj vojne. Pod redakciej A.U. Ogoeva. Vladikavkaz, 2022. S. 17-26.

Ministerstvo vnutrennih del po Respublike Severnaya Osetiya-Alaniya. Seriya rasskazov. "Pobeda v lichah": Andrej Semenovich Zadelava, narodnyj komissar vnutrennih del Severnoj Osetii. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://15.mvd.rf/news/item/22824865/> (data obrashcheniya: 22.04.2026).

Mulukaev R.S., Malygin A.YA., Epifanov A.E. Istoriya otechestvennykh organov vnutrennih del. Pod red. d.yu.n. R.S. Mulukaeva. M.: NOTA BENE Media Trejd Kompaniya, 2005. 336 s.

Ogoev A.U. Geroizm zashchitnikov rodiny kak osnova vospitatel'noj raboty v vuze: voprosy formirovaniya patriotizma v kontekste kompetentnostnogo podhoda (na materialah SOGU im. K. L. Hetagurova). Velikaya Otechestvennaya vojna i rossijskoe obshchestvo. Sbornik nauchnyh trudov. Vladikavkaz, 2025. S. 139-143.

Petrov N., Skorkin K. Kto rukovodil NKVD, 1934-1941: Spravochnik. M.: Zven'ya, 1999. 506 s.

Prokuratura Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya. Prokurory Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya - uchastniki Velikoj Otechestvennoj vojny: Zangiev Dagka Vasil'evich. [Elektronnyj resurs]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_15/activity/veterans/e5628216/ (data obrashcheniya: 22.04.2026).

Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Raboche-Krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR za 1937 god. Nomer 1-14. M.: YUridich. izd-vo NKYU SSSR, 1937. 128 s.

Sporysh A.S. Vklad pravoohranitel'nykh organov pri oborone Severnoj Osetii v Velikoj Otechestvennoj vojne. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2020. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://science-education.ru/article/view?id=18163> (data obrashcheniya: 24.04.2026)

Carikaev A. T., Bagaeva A. V. Otrazhenie massovykh politicheskikh repressij 1937-1938 gg. v Severnoj Osetii v novejsih dokumental'nykh publikacijah. Privolzhskij nauchnyj vestnik. 2014. Nomer 2 (30). S. 98-100.

Carikaev A.T., Tuskaeva G.B. Politicheskaya elita Severnoj Osetii. 1924-1941 gg.: biogr. sprav. Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2011. 135 s.

Carikaev. A.T. Dokumenty i materialy. Izvestiya SOIGSI. 2014. Nomer 11 (50). S. 105-110.

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya (CGA RSO-A). FR. 220. Op. 1. D. 31.

CGA RSO-A. F. 22. Op. 1. D. 325.

Chedzhemov S.R. Zlodeyaniya nemecko-fashistskikh zahvatchikov: k 80-letiyu pobedy SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne. Istoriya gosudarstva i prava. 2025. Nomer 5. S. 16-21.

Chedzhemov S.R., Logvinovich G.V. Gosudarstvenno-cerkovnyj dialog kak faktor pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne. Alanskoe pravoslavie: istoriya i kul'tura. Sb. materialov XIV mezhdunarodnyh Svyato-Georgievskih chtenij. Vladikavkaz, 2026. S. 307-317.